

Жизнь в своем развитии идет от простого к сложному. Пути знания подвластны тому же закону; и литература, как человековедение, стремится уловить и запечатлеть в художественных образах глубинные процессы народной жизни, социальные и нравственные сдвиги и переломы в обществе, в самой психике человека, подчинена все тому же закону.

Новый роман Анатолия Иванова «Вечный зов», выпущенный издательством «Советский писатель» в начале года, охватывает события почти всей первой половины двадцатого века в жизни нашей страны со времен подготовки революции 1905 г. Сама логика борьбы разводит людей на разные, полярные полюса, и вокруг них, в свою очередь, образуются центробежные и центростремительные силы, происходят свои цепные реакции, втягивая в сферы действия инертные силы вокруг, стремясь придать им свой характер и свое движение. В то же время от этих полярных центров отрываются и уходят силы, по каким-либо причинам не подчинившиеся основному движению того или иного тяготения; очевидно, именно это определяет богатство характеров, их обилие, их индивидуальную и политическую разность в романе «Вечный зов».

Анатолий Иванов и в прежних своих романах «Повитель» и «Тени исходят в полдень» проявил себя как писатель, тяготеющий к большим и сложным социальным обобщениям, ищущий именно в народе, в его глубинах закономерности вызревания тех социальных перемен, которые, пройдя через людские души, дают и высокие трагедии, и героические взлеты, и самые невероятные изломы. В новом романе «Вечный зов» талант А. Иванова раскрывается шире, уже не избирательно высвечивает тот или иной пласт жизни, а старается охватить ее с наибольшей полнотой, в ее объективной закономерности.

Есть две постоянно пересекающиеся плоскости в романе, придающие ему полифоническое звучание: это закономерный, не зависящий ни от какой отдельной личности ход событий, исторически predetermined движение народа, и то неуловимое пространство в самом человеке, в котором издавна борются два непримиримых центра: это «я», «мое» и «мы», «наше». Казалось бы, расстояние здесь невелико, но именно в этом пространстве кипят самые непримиримые идейные, нравственные, социальные и все прочие битвы нашего времени, это как раз и есть та полоса, находясь посередине которой, человек становится инертным, не принадлежащим ни тому, ни другому, и малейшее движение в ту или иную сторону бросает на него новую социальную окраску.

В центре романа стоит семья сибирских крестьян Савельевых: три брата — Антон, Федор и Иван, — становясь взрослыми, дают три основных потока произведения, которые, переплетаясь и взаимодействуя, придают всему напряженный, подчас трагический тон; их социальное звучание определяет во многом главное содержание романа, как полотна широкой и острой борьбы. Антон Савельев, с характером дерзким и бесша-

башным, попадая в город еще подростком, проходит трудный путь революционера-большевика: тюрьмы, побеги, непрестанная борьба и, наконец, белочешский мятеж, застенки контрразведки, в которых чуть не сходит с ума его жена; Антон погибает в 1942 году, уже будучи директором большого оборонного завода, эвакуированного из местности, занятой немцами. Он гибнет, предотвращая взрыв на заводе...

Второй брат, Федор, человек сложный, противоречивый; в гражданскую войну был в партизанском отряде, но после революции в его характере начинает наблюдаться странная, на первый взгляд, но удивительно верная деградация: он все больше начинает

леоновский Вихров вступает в конце жизни в партию (истины ради надо отметить, что в партию тут же вступает и его антипод — Грацианский). Литература все пристальнее и внимательнее всматривается и анализирует образ коммуниста, раскрывая через него всю огромную деятельность партии, всю сложность и трудность ее борьбы по переустройству жизни народа. Титаническое здание нового общества возводится в непрекращающейся ожесточенной, не знающей жалости и уступок борьбе противостоящих сил эпохи, и всякий крупный талант тем и отличается, что ставит своего героя в самый центр этой борьбы, помещает его на ее раскаленную грань; здесь, как из зерна вырастает

касалось большого народного деяния, тотчас прорисовывалась необходимость центра борьбы, и в первую линию, естественно, выдвигался тот, кто лучше и полнее понимал происходящее.

В новом романе А. Иванова «Вечный зов», и в силу взятой автором темы, и в силу жизненной правды, в центр выступают силы партийные, и нужно отметить, что автор художнически сумел осмыслить этот труднейший материал, создал значительные образы настоящих коммунистов (здесь достаточно вспомнить того же Антона Савельева, прошедшего огромный путь от мальчишки-подмастерья до руководителя крупнейшего предприятия — образ масштабный, художественно достоверный и пластичный) и их противников, часто прикрывавшихся тем же партийным билетом: в романе это, например, Полипов, сын богатого лавочника, примкнувший было к марксистам. Он не выдержал однажды, запутался, став тайным осведомителем царской охраны; эти связи потянулись за ним и потом, во время строительства советского государства. Здесь автор верно подметил неумолимую логику развития характера в определенных обстоятельствах: страх раскрытия движет развитием образа. Это похоже на человека, попавшего в трясину: чем больше он прилагает усилий выбраться из нее, тем больше она его засасывает, и в конце концов он начинает руководствоваться не своими личными желаниями и мыслями, а лишь силой державшей его трясины. В новую жизнь после революции, естественно, влились и те разрушительные силы, которые никак не могли принять ни революции, ни нового образа жизни, которые ждали своего часа, и это, наряду с трудностями роста молодого советского государства, с его приобретениями и потерями, придает роману не только сложность, но и глубину.

Коммунисты, преобразуя мир, одновременно и познают его, познают в борьбе и себя, свою сущность революционных преобразователей мира, и исследование этого, пожалуй, является одной из сильных (и новых) сторон романа А. Иванова «Вечный зов», тем более что исследование это затрагивает самые разнородные характеры и судьбы, а в отдельных случаях (судьба Алейникова, через жизнь которого безжалостно прошло самое острое время) доходит до высокой трагедии. И вообще одним из неоспоримых достоинств романа является создание автором характеров крупных, ярких, жизненно достоверных. Огромный и по протяженности и по значимости пласт народной жизни, поднятый в этом романе, чистый, звучный язык, проникновение в народную психологию, острота поставленных проблем — все это и многое другое позволяет сказать утвердительно, что советская литература пополнилась несомненно значительным произведением. И это еще одно неоспоримое доказательство силы и жизненности литературы, неразрывно спаянной с делами и чаяниями народа, с его историей и с его будущим.

БИТВА ЗА ЧЕЛОВЕКА

Петр
ПРОСКУРИН

считать, что жизнь воздает ему слишком мало и за то, что он был в партизанах, и за то, что он работает, как вол. Налицо распад личности, не выдержавшей столкновения с временем, не понявшей времени, не сумевшей преодолеть в себе закона собственнического «я», который в конце концов становится для души ядом. В последних главах, в сценах колхозного собрания тревожным резонансом врывается в жизнь Федора нечто новое, и, может быть, впервые он вздрагивает и пытается взглянуть в самого себя... посторонним, а потому и трезвым взглядом.

И, наконец, третий брат — Иван. В гражданскую войну в Сибири он, семнадцатилетний парень, — в банде богача Кафтanova, любит его дочь Анну, которая потом станет женой брата Федора. Наступает такой момент, когда партизанка Анна Кафтanova попадает в плен к собственному отцу, и тут звериная натура Кафтanova проявляет себя в такой неожиданной звериной патологии, что Иван не выдерживает и убивает своего атамана. Он привозит его труп и Анну Кафтанову к партизанам и сам отдается им в руки; начинается обратная эволюция этого интереснейшего образа к пониманию добра и человечности...

Если отойти непосредственно от нового романа А. Иванова и коснуться одного из важнейших аспектов нашей литературы вообще, то сразу же станет заметной одна важная закономерность. Внимание советской литературы с самого ее возникновения приковано к образу коммуниста, к тому центру нерва социально-нравственных перемен, импульсы которого пронизывали и скрепляли всю народную толщу. Здесь мы можем вспомнить героев и Серафимовича, и Фадеева, и Шолохова, и Панферова;

могучее дерево, образ наполняется эпохальным содержанием, и самый обыкновенный человек уже перестает рамки одной своей жизни; исторически он связывает себя и с прошлым и с будущим; биологически заканчивая свой жизненный путь, он остается жить в народе, в фундаменте, в нижних этажах стремящегося ввысь здания.

В советской литературе с самого начала определилось ее основное направление и звучание. Приняв идеалы революции за основу, советская литература развивалась как литература революционного гуманизма, интернационализма; приняв от могучей русской классики заповедь социальности, вечных поисков высокого нравственного идеала, наша литература, применительно к своему времени, оставалась остро социальной даже в отрицательных своих образцах, когда отдельные литераторы пытались уйти от некоторых, необъяснимых в своей плоскости времени, событий или, что еще хуже, давали их в заведомо предвзятом освещении.

В поисках истины советская литература в лучших творениях своих мастеров не опускала этого знамени ни на час, ни на минуту, она боролась за человека, и она победила. И здесь опять хотелось бы вернуться к образу коммуниста, как к центру борьбы эпохи, без осмысления которой не мог и не может обойтись ни один человек, пытавшийся честно разобраться во времени и в его социальном и нравственном наполнении. «Районные будни» Валентина Овечкина, романы Г. Маркова, В. Кочетова, Е. Пермитина, Ю. Германа, Г. Коновалова, М. Алексеева, В. Коженикова (разведчик Вайс в «Щите и мече»), множество других произведений — там, где дело